

Тихомиров П. В. Невежественная критика: Ответ «Церковным Ведомостям»: [По поводу рец. А. Петровского в № 41 «Церковных Ведомостей» 1903 г. на кн.: Пророк Малахия. Троице-Сергиева Лавра, 1903] // Богословский вестник 1904. Т. 1. № 3. С. 591–600 (2-я пагин.).

Невежественная критика. Ответъ „Церковнымъ Ведомостямъ“.

По примѣру одного изъ персонажей извѣстной Крыловской басни, отвѣтомъ на невежественную критику могло бы быть только презрѣніе: „вспорхнулъ—и полетѣлъ за тридевять полей“.... Къ сожалѣнію, не всегда это средство бываетъ вполне цѣлесообразно. Оно не всегда гарантируетъ потерпѣвшую сторону отъ того, чтобы до нея не долетали въ разнообразной формѣ отголоски невежественной выходки. А затѣмъ,—и это гораздо важнѣе, — человѣческое невежество можетъ располагать услугами прессы (иногда — даже органовъ, претендующихъ на нѣкоторую авторитетность), распространяя, такимъ образомъ, и въ массѣ читающей публики ложный взглядъ на извѣстнаго автора. Къ этому дѣянію, граничащему съ клеветой или публичнымъ опороченіемъ добраго имени, уже трудно отнести съ презрительнымъ равнодушіемъ. Въ такомъ именно положеніи нахожусь я въ отношеніи къ замѣткѣ г. А. Петровскаго въ № 41 „Церковныхъ Ведомостей“ за 1903 г. о моей книгѣ: „Пророкъ Малахія (1903 г., стр. XIX+596)“. Я уже съ конца августа 1908 г. нахожусь въ нѣкоторомъ родѣ „за тридевять полей“, за предѣлами нашего дорогого отечества; но „дымъ“ его доходитъ до меня и сюда, и не скажу, чтобы онъ былъ „сладокъ и пріятенъ“. Меня и здѣсь (въ Берлинѣ) познакомили съ замѣткой г. Петровскаго. Моею первой мыслью было превебречь ея, хотя она и въ достаточной мѣрѣ меня возмутила. Но затѣмъ я сталъ получать изъ разныхъ мѣстъ Россіи выраженія то негодованія по поводу невежественной

развязности моего рецензента, то простого недоумѣнія. Въ виду этого, — такъ какъ моя безотвѣтность могла-бы показаться двусмысленной,—я рѣшилъ отозваться на замѣтку г. Петровскаго краткой характеристикой того научнаго багажа и тѣхъ упрощенныхъ приѣмовъ, съ какими онъ приступилъ къ оцѣнкѣ моей научной работы. Вдаваться съ нимъ въ полемику я не намѣренъ, потому что съ невѣжествомъ не полемизируютъ, а его достаточно только характеризовать.

Прежде всего, не желая быть несправедливымъ къ г. Петровскому, я долженъ къ чести его сказать, что замѣтка его о моей книгѣ въ общемъ написана въ тонѣ благожелательномъ. Какъ его сужденія объ отдѣльныхъ частяхъ моего изслѣдованія, — по намѣренію критика очень одобрительныя,—такъ и общее заключеніе, гласящее, что „указанные (въ рецензіи г. Петровскаго) недостатки теряются въ массѣ представляемаго изслѣдованіемъ автора (т. е. моей книгой) цѣннаго матеріала“ (Церк. Вѣд. 1903 г. № 41, прилож. стр. 1601, 2), показываютъ, что перомъ критика двигало отнюдь не враждебное отношеніе ко мнѣ или моей книгѣ, и что его тѣмъ не менѣе возмутительное сужденіе о ней является просто грѣхомъ „невѣдѣнія“. Но это—не скромное невѣдѣніе, а соединенное съ большою самоувѣренностью и маскирующееся „ученымъ видомъ знатока“, вслѣдствіе чего оно даже можетъ импонировать иному читателю, не знакомому ни съ моей книгой, ни съ относящейся къ ея предмету литературой. Вотъ эта-то симулируемая критикомъ ученая авторитетность и составляетъ самую возмутительную особенность его замѣтки. Конечно, въ хорошемъ журналѣ нетерпимъ уже и самый фактъ помѣщенія рецензіи незнакомымъ съ предметомъ рецензентомъ; но „Церковныя Вѣдомости“ уже давно пріютили на своихъ страницахъ многочисленную компанію присяжныхъ критиковъ сомнительной ученой компетенціи и до нѣкоторой степени пріучили своихъ читателей чуть не въ каждомъ номерѣ встрѣчать г.г. Петровскаго, Сменцовскаго, Бѣлявскаго и др. под., трактующихъ о самыхъ разнородныхъ литературныхъ явленіяхъ въ области богословской, церковноисторической и канонической науки. И тѣмъ не менѣе, я до послѣдняго времени не думалъ, — можетъ быть, только потому, что не приходилось на себѣ

самомъ этого испытать ¹⁾,—чтобы эти критики могли брать такой безцеремонно-авторитетный тонъ и были такъ невѣжественны въ предметѣ и легкомысленны въ отношеніи къ чтенію рецензируемыхъ книгъ. Мнѣ казалось, что ужъ если человѣкъ пристроился къ извѣстному амплуа, которое ему, строго говоря, не по плечу, то онъ, по крайней мѣрѣ, сумѣетъ вести эту роль осторожно, не вызывая нареканій, т. е.,—въ примѣненіи къ данному случаю,—не провираясь грубо. Замѣтка г. Петровскаго показала мнѣ, что г.г. рецензенты „Церковныхъ Вѣдомостей“ и эту, такъ сказать, дипломатическую свою задачу понимаютъ очень упрощенно, лишь въ отношеніи къ одной изъ затрогиваемыхъ ими сторонъ, именно къ читающей публикѣ: здѣсь они сумѣли набить руку и усвоить себѣ такой увѣренно-спокойный, авторитетный и освѣдомленный тонъ, что только въ рѣдкихъ случаяхъ истинные размѣры ихъ компетенціи становятся очевидны и для неспеціалистовъ-читателей. Отъ изобличеній-же авторовъ они ограждены принципиальнымъ недопущеніемъ со стороны редакціи „Церк. В.“ полемики и опроверженій. Подъ этой надежной защитой они распустились до того, что не считаютъ даже нужнымъ читать рецензируемыхъ книгъ, а только разрѣзываютъ ихъ наудачу въ двухъ-трехъ мѣстахъ и затѣмъ съ легкимъ сердцемъ пописываютъ, что Богъ на душу положить, не особенно заботясь о соответствіи своихъ сужденій какъ съ содержаніемъ обзрѣваемой книги, такъ и съ положеніемъ въ наукѣ трактуемыхъ ею предметовъ.

Все сказанное вполне подтверждается замѣткой г. Петровскаго о моей книгѣ. Мой рецензентъ совершенно незнакомъ ни съ положеніемъ въ наукѣ обсуждаемыхъ мною вопросовъ, ни съ относящейся сюда литературой и очень мало знакомъ съ моей книгой. Совершенно очевидно, что при такихъ условіяхъ нельзя браться за рецензію. Но г. Петров-

1) По полученнымъ однако мною изъ Россіи указаніямъ, можно сказать, что и другіе авторы испытали на себѣ прелести этой невѣжественной критики. Заслуживаетъ упоминанія также и то обстоятельство, что невѣжество и даже тенденціозность сказываются и въ самомъ выборѣ рецензируемыхъ книгъ. Солидные научныя работы иногда замалчиваются, а ничтожныя брошюрки восхваляются до небесъ. Примѣровъ пока не привожу, но, если понадобится, могу привести.

скаго такіе пустяки не останавливаютъ. Онъ пишетъ,—и на взглядъ неспеціалиста-читателя получается даже довольно приличная рецензія: съ достаточной похвалою автору и съ указаніемъ достоинствъ и неизбѣжныхъ во всякомъ человѣческомъ твореніи недостатковъ. Но вслѣдствіе указаннаго его трехсторонняго невѣжества, и похвала его получаетъ характеръ двусмысленный, и характеристика моей работы не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, и критическія замѣчанія совершенно несправедливы.

Такъ мой рецензентъ признаетъ мое изслѣдованіе „какъ трудъ экзегетическій, стоящимъ несравнимо выше русскихъ толкованій на книгу пророка Малахіи, являвшихся прежде“ (стр. 1602, 2). Повидимому, мнѣ должно быть очень пріятно; но если знать, что именно являлось раньше на русскомъ языкѣ по толкованію пророка Малахіи, то похвала эта окажется довольно „студеной“ и отнюдь не лестной ¹⁾... Справедливость требовала, чтобы рецензентъ цѣнилъ мою книгу (въ благопріятномъ или неблагопріятномъ смыслѣ,—это ужъ дѣло его убѣжденія) съ точки зрѣнія тѣхъ притязаній, какія она сама заявляетъ. Я стремлюсь дать изслѣдованіе, которое-бы не только стояло на уровнѣ образцовъ западно-европейской науки и использовало всѣ существенные результаты, достигнутые послѣднею въ изученіи моего предмета, но и прибавило къ нимъ нѣчто самостоятельное и новое. Моему рецензенту и слѣдовало сказать, насколько мнѣ удалось разрѣшить именно эту задачу. Для такого сужденія ему, конечно, необходимо было сравнить результаты моей работы съ тѣмъ, что сдѣлано на западѣ, а не ограничиваться указаніемъ на русскую литературу о Малахіи, представляющую изъ себя частію печатавшіяся въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ семинарскія записки по священному писанію, частію лишь назидательное чтеніе безъ претензій на научность и только въ одномъ случаѣ — попытку (довольно, впрочемъ, неудачную) поработать надъ предметомъ научно. Но само собою понятно, что разъ г. Петровскій

¹⁾ Объ этихъ моихъ русскихъ предшественникахъ по толкованію пророка Малахіи интересующіеся могутъ узнать изъ моей книги. Теперь же я пока не намѣренъ безъ надобности задѣвать имена во всѣхъ другихъ отношеніяхъ очевь почтенныхъ авторовъ.

съ иностранными комментаріями на Малахію незнакомъ, онъ и не могъ сравнить съ ними мою книгу. Онъ сравнилъ ее только съ тѣмъ, что ему доступно, и, повидимому, думалъ въ простотѣ сердца сказать что-нибудь для меня лестное, поставивъ ее „несравнимо выше“ этихъ знакомыхъ ему книгъ. Вотъ ужъ и вспомнишь тутъ, что иногда бываетъ „простота хуже воровства“...

Характеризуя исагогическую часть моей книги (I часть), г. Петровскій задачу моей работы полагаетъ въ „пересмотрѣ литературы о книгѣ пророка Малахіи“ (стр. 1599). Ясно, что *рецензентъ не прочиталъ моей книги*, а чисто а priori сфантазировалъ, чѣмъ-бы я могъ заниматься. Никогда такой задачи я себѣ не ставилъ: не литературу я желалъ пересматривать, а стараюсь, насколько возможно, рѣшить различные вопросы, связанные съ книгой пророка Малахіи. Критическій же элементъ здѣсь играетъ у меня служебную роль,—подчиненную положительнымъ задачамъ. Читавшій мою книгу не могъ-бы этого не видѣть. Какъ, спрашивается, назвать эту манеру *писать рецензіи, не заглядывая въ рецензируемую книгу?!..* И любопытна развязность, съ какою г. Петровскій далѣе сообщаетъ, что у меня „разборъ и опроверженіе разнообразныхъ взглядовъ“ только „сопровождается установленіемъ опредѣленныхъ положительныхъ выводовъ“ (тамъ-же). Но онъ не ограничивается тѣмъ, что самъ *сочиняетъ содержаніе исагогической части моей книги*, а—представьте себѣ!—даетъ даже и *критическую оцѣнку* этой своей выдумки. И нельзя при этомъ ему отказать въ ловкой сообразительности. Совершенно логично, въ духѣ установленнаго имъ взгляда на мою работу, онъ разсуждаетъ: „само собою понятно, что работа подобнаго рода требуетъ со стороны автора критическаго чутья, но по своимъ результатамъ она не можетъ быть названа новою, оригинальною“ (тамъ-же). Да, г. Петровскій, можетъ быть, это и „само собою понятно“ относительно работъ „подобнаго рода“; но вѣдь моя-то работа—не „подобнаго рода“;—какое Вы имѣете право судить а priori, а не на основаніи дѣйствительнаго знакомства съ дѣломъ? Вѣдь по чувству самой элементарной справедливости Вы должны были-бы сначала почитать мою книгу, а потомъ уже и говорить о томъ, что въ ней есть и чего нѣтъ.

Но недаромъ, какъ я сказалъ, рецензенты „Церковныхъ

Вѣдомостей“ набили себѣ руку въ своемъ ремеслѣ. Мой критикъ понималъ, что голословность можетъ показаться подозрительной и читателямъ, не издавшимъ моей книги. Чтобы избѣжать такого нежелательнаго впечатлѣнія, онъ вдается въ нѣкоторыя подробности относительно моего пользованія бывшими у меня научными пособиями; но и эти подробности онъ опять беретъ не изъ моей книги, а выдумываетъ. Онъ имитируетъ осязательность и при этомъ говоритъ нѣчто нестерпимо-несправедливое и невѣрное: „примыкая къ представителямъ ортодоксальнаго западнаго библейскаго направленія, авторъ находитъ у нихъ вполне достаточное количество матеріала и для опроверженія ложныхъ взглядовъ (?), и для подтвержденія достовѣрныхъ (?“ (тамъ же). Менѣе всего я повиненъ въ приписанной мнѣ здѣсь рецензентомъ „ортодоксальности“ и признаю это съ его стороны опять тоже чисто *априорнымъ* *разсужденіемъ* съ точки зрѣнія выработаннаго въ сравнительно старые годы русской богословской науки представленія объ *обязательномъ* *шаблонѣ* учено-богословскихъ работъ въ Россіи: предполагалось, что работы по Священному писанію должны писаться въ духѣ какого-то западнаго ортодоксальнаго направленія. Но я именно этому-то шаблону не слѣдую и безусловно его отвергаю, чего критикъ не могъ-бы не замѣтить, если-бы читалъ мою книгу ¹⁾. Вообще устарѣлое дѣленіе библеистовъ на „ортодоксальныхъ“ и „отрицательныхъ“, въ примѣненіи къ изслѣдователямъ книги пророка Малахіи безусловно неумѣстно, потому что въ этой области свободное научно-критическое изслѣдованіе нигдѣ серьезно не сталкивается съ какими-либо догматическими и конфессіональными препятствіями. Тѣ немногочисленныя ученныя работы по Малахіи,

¹⁾ Выпуская въ свѣтъ свою книгу, я, признаюсь, даже не чуждъ былъ опасенія, что она придется очень не по вкусу нѣкоторымъ русскимъ обскурантамъ и неразумнымъ ревнителямъ православія и вызоветъ нареканія именно за это отступленіе отъ когда-то свято чтившагося шаблона. Конечно, по существу дѣла эти обвиненія были-бы несостоятельны. Но я теперь упоминаю объ этомъ не затѣмъ, чтобы ихъ предупреждать или опровергать, а только чтобы отгвѣнить, въ какое комическое положеніе можетъ попасть *рецензентъ, не читающій разбираемой книги*: меня объявляютъ приверженцемъ того самаго направленія, за отсутствіе котораго я ожидалъ нападокъ на себя..

которыя тѣмъ не менѣ замѣтно проникнуты конфессіональными и апологетическими тенденціями, теряютъ вслѣдствіе этого немало въ своей научной цѣнности. И я въ предисловіи къ моей книгѣ совершенно открыто заявляю, что моя задача—критика и реставрація Малахіина текста, установка его историческаго смысла и объективное рѣшеніе всѣхъ такъ называемыхъ исагогическихъ вопросовъ, касающихся его. Я отнюдь не стремился,—да по существу моей задачи и не могъ стремиться,—„къ опроверженію ложныхъ взглядовъ и подтвержденію достовѣрныхъ“ (какъ хочетъ представить мой рецензентъ), потому что ложность или достовѣрность извѣстнаго научнаго взгляда не была для меня чѣмъ-то а priori извѣстнымъ, а вытекала изъ объективнаго обсужденія фактическихъ и документальныхъ данныхъ по тому или иному вопросу. Я стремился къ *отысканію* истины, а priori для меня не извѣстной, а не къ *защитѣ* какихъ-либо предзанятыхъ, мнимо „достоверныхъ взглядовъ“. Моя задача была не апологетическая, а чисто научная ¹⁾. Поэтому я ни къ какому направленію заранѣе и не „примыкаю“. Если-же рецензентъ въ своихъ (приведенныхъ мною выше) словахъ желалъ указать только на *совпаденіе* въ нѣкоторыхъ случаяхъ моихъ выводовъ и аргументаціи съ выводами и аргументаціей извѣстнаго западнаго направленія, то и здѣсь онъ сфантазировалъ совершенно невпопадъ: въ тѣхъ случаяхъ, когда я,—употребляя неудачное выраженіе г. Петровскаго,—„примыкаю“ къ какимъ-либо западнымъ ученымъ, *такими учеными, по большей части, оказываются не писатели такъ называемаго „ортодоксальнаго“ направленія въ родѣ Генгстенберга, Рейнке и т. п., а представители, если угодно, „отрицательнаго“, вѣрнѣе—критическаго направленія въ родѣ Велльгаузена, Штаде, Новака, Корниля, Кенига и др.* Это, подтверждая сказанное мною о неумѣстности (по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ пророку Малахіи) принимаемой г. Петровскимъ классификаціи западныхъ ученыхъ на „ортодоксальныхъ“ и „отрицательныхъ“, подтверждаетъ также и

¹⁾ Научное изслѣдованіе можетъ имѣть *апологетическое значеніе* (и моя книга, по отзыву проф. Мышцына, дѣйствительно имѣетъ таковое), но оно ни въ какомъ случаѣ не должно ставить себѣ *апологетическія задачи*, дабы не стать вмѣсто научнаго тенденціознымъ.

мои слова о томъ, что онъ моей книги не прочиталъ, а характеризовалъ ее наобумъ съ точки зрѣнія апріорнаго, казавшагося ему непреложно обязательнымъ шаблона ¹⁾).

Критическая оцѣнка исагогической части моей книги формулируется рецензентомъ въ положеніи: „среди этого повторенія взглядовъ западныхъ библеистовъ замѣтны по мѣстамъ и слѣды самостоятельности“ (указываются стр. 69, 113 и сл., 126 и сл. моей книги). Каковъ тонъ и какова документальность!... Критикъ не желаетъ быть несправедливымъ къ автору и, какъ человѣкъ въполнѣ освѣдомленный, ясно видящій, что у автора (т. е. у меня) есть заимствованнаго, и что своего, благосклонно отмѣчаетъ послѣднее и ставитъ это мнѣ въ заслугу. Довѣріе читателя этимъ безусловно подкупается, и онъ способенъ серьезно повѣрить, что г. Петровскій дѣйствительно знакомъ съ предметомъ. Пусть указанные страницы взяты наобумъ, а двѣ послѣднихъ даже и не особенно удачно,—вѣдь читатель провѣрять не станетъ!...

Но въ настоящемъ случаѣ г. Петровскій не только позируетъ предъ читателями, рисуясь своими мнимыми познаніями, но и совершаетъ нѣчто болѣе неблаговидное по отношенію къ рецензируемому автору: вѣдь разъ онъ самую задачу моего изслѣдованія полагаетъ (неправильно) лишь въ *пересмотрѣ литературы*, то это „повтореніе“ чужихъ взглядовъ получаетъ весьма недвусмысленный видъ упрека мнѣ въ *компилятивности*. Чтобы дѣлать такой серьезный упрекъ, надо тщательно сличить мою работу съ трудами моихъ предшественниковъ. Если же рецензентъ садится писать о книгѣ, только разрѣзавъ ее въ двухъ-трехъ мѣстахъ, не уяснивъ себѣ точно моей задачи, не разглядѣвъ, какъ слѣдуетъ, къ кому я „примыкаю“, и не зная той литературы, съ какой я имѣлъ дѣло,—то какъ назвать такой по-

¹⁾ Если-бы я имѣлъ какія-либо основанія думать, что г. Петровскій дѣйствительно прочиталъ мою книгу, то изъ его ошибки въ характеристикѣ ея направленія я долженъ былъ-бы сдѣлать выводъ о его незнакомствѣ съ направлениемъ главнѣйшихъ представителей западной науки по Ветхому Завѣту; но хотя для меня незнакомство моего критика съ западной литературой и стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія, я однако думаю, что съ именами-то Штаде и Велльгаузена онъ долженъ быть знакомъ хотя-бы по наслышкѣ.

ступокъ?... Я думаю, что едва-ли кому нужно подсказывать названіе, по справедливости заслуженное моимъ критикомъ ¹⁾...

Сужденіе объ экзегетической части моей книги само по себѣ ничего обиднаго для меня не содержитъ, если не считать нѣсколько подчеркнутаго стремленія критика взглянуть на разбираемую книгу сверху внизъ: „примѣненіе указанныхъ приѣмовъ (предварительно г. Петровскій характеризуетъ приемы моей работы) даетъ въ результатъ вполне достаточное объясненіе текста, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ послѣднее нуждается въ поправкахъ“ (стр. 1600, 1). Несомнѣнно, что въ книгѣ, состоящей почти изъ 600 страницъ, должно найтись даже не мало мѣстъ, нуждающихся въ поправкахъ. Но если вспомнить о размѣрахъ научной компетенціи моего критика, то впечатлѣніе получается совершенно иное. И если обратиться къ отдѣльнымъ (очень немногочисленнымъ) замѣчаніямъ г. Петровскаго противъ моего толкованія тѣхъ или иныхъ случайно взятыхъ мѣстъ Малахіи, то прежде всего надо будетъ еще разъ констатировать его незнакомство съ моей книгой. Вопреки моему рѣшительному заявленію, обстоятельно доказываемому на протяженіи многихъ страницъ,—что „каждая рѣчь пророка Малахіи образуетъ новый отдѣлъ книги, обыкновенно не имѣющій близкаго логическаго отношенія ни къ предыдущему, ни къ послѣдующему“ (стр. 87 и слѣд.),—онъ одно свое возраженіе строить на предположеніи логической связи между первой и второй рѣчью. Затѣмъ, точно также встречаемся мы здѣсь и съ дутыми попытками пустить читате-

¹⁾ Какъ уже я сказалъ раньше, полемизировать съ г. Петровскимъ я не считаю нужнымъ. Но я не могу удержаться отъ негодованія, видя, какъ критикъ, не обнаруживающій и „слѣда“ знакомства съ литературой предмета, высокомерно изрекаетъ свои „слѣды самостоятельности“. Дальше этого въ злоупотребленіи печатнымъ словомъ итти некуда. Но я продолжаю думать, что это злоупотребленіе и эта некрасивая съ нравственной точки зрѣнія выходка противъ меня является у г. Петровскаго просто плодомъ легкомыслія: онъ не сообразилъ, что его имитация освѣдомленности не есть только невинный обманъ читателей „Ц. В.“, а задѣваетъ (какъ клевета) и автора (меня); мнѣ кажется, что онъ не имѣлъ намѣренія сказать то, что сказалъ. Если моя догадка вѣрна, то г. Петровскій, какъ честный человекъ, долженъ печатно отказаться отъ своей рецензіи, а на будущее время, по меньшей мѣрѣ, быть осмотрительнѣе...

лямя пыль въ глаза своей якобы - научной серьезностью посредствомъ буквальнаго цитированія одного мѣста по-гречески и по-еврейски; въ послѣднемъ случаѣ,—конечно, съ неизбѣжнымъ у подобныхъ импровизированныхъ гебранстовъ враньемъ въ чтеніи¹⁾.. Вообще, г. Петровскій остается вѣренъ себѣ и здѣсь: имитируетъ знанія и освѣдомленность въ надеждѣ, что читатели его провѣрять не станутъ и не всегда смогутъ;—кому, въ самомъ дѣлѣ, охота задумываться, насколько къ дѣлу приводится греческій текстъ? а что своей цитаціей еврейскаго текста (тоже ничего не доказывающей) критикъ обнаружилъ только свое невѣжество въ еврейскомъ языкѣ и даже неумѣнье читать по-еврейски, этого многіе даже и не способны замѣтить, а впечатлѣніе-то, между тѣмъ, получается всетаки довольно внушительное.

Оканчивая свою замѣтку, я считаю нужнымъ прибавить, что я намѣренно поставилъ въ ея заглавіи: „Отвѣтъ Церковнымъ вѣдомостямъ“; а не „отвѣтъ г. Петровскому“. Я отнюдь не думалъ оправдываться или защищаться противъ упрековъ моего... затрудняюсь сказать... критика, потому что вѣдь его писаніе, собственно говоря, и не заслуживаетъ имени критики. Мнѣ только хотѣлось, охарактеризовавши эту литературную манеру, спросить: умѣстно-ли въ уважающемъ себя органѣ такое компрометирующее сотрудничество?

П. Тихомировъ.

Берлинъ,
1904 г. 1 февраля.

¹⁾ Вранье это обнаруживаетъ не только ошибку глаза, а и незнаніе корней: г. Петровскій транскрибируетъ „*мизбегн*“ вм. *мизбехи*“.